

Н. ПЕЛЕТЧИН

Памяти проф. Ключевского

Умер Ключевский... Сын сельского дьякона, воспитанник духовных учебных заведений, он не пошел по той дороге, на которую его толкали происхождение и образование, но в избранную им деятельность он принес то, без чего нельзя быть истинным духовным лицом. Свою жизнь он превратил в служение; он постригся в храм родной истории и принятый обет нес до самой смерти. В него как бы воплотился дух наших монахов-летописцев: то же изумительное усердие, то же полное отсутствие погони за известностью. Только условия, в которых пришлось жить Ключевскому, не могли дать ему такого уединения, — а затем он постоянно горел огнем гражданственности... Он исполнял свои государственные обязанности, и 40 лет своей профессорской деятельности он отдал на воплощение в художественной речи перед целыми поколениями слушателей родного прошлого, а перед смертью он приступил к выполнению последнего гражданского своего долга — к изданию полного курса русской истории. Но вышло четыре тома, и эти книги надо читать, надо изучать, надо хранить как святыню всякому русскому образованному человеку. Никто не мог так выпукло и живописно изобразить исторический ход русской жизни, дать исчерпывающую картину территориального роста государства и усложнявшихся постепенно сословно-классовых наслоений. Так можно найти ответ на многие «проклятые» вопросы, и величавые в своей художественной простоте страницы этих книг предохранят от многих увлечений и ложных шагов.

Судьбе угодно было сделать творца художественного изображения судорог, потрясавших русское государство в его прошлом, живым свидетелем нового революционного пароксизма. Но проф. Ключевский был уже слишком преклонных лет, чтобы

активно выступить в политической жизни, и он даже очень скоро отказался от звания члена Государственного совета. Ознакомление с его курсом русской истории может лишь заставить думать, что едва ли «обновленная Россия радовала его старое сердце».

Ключевского специальная критика обвиняла в некоторой идеализации Московской Руси; но ее на самом деле не было, а слышится лишь известная симпатия историка к этому периоду, объясняемая его политической идеологией. Эта идеология может быть определена выражением старинной грамоты: «Добра хотеть своему государю и его землям».

И доносившееся до историка веяние старины говорило ему, что этого добра более хотели в период формирования Московского царства, и за это он любил его.

Указывая на то, что казни и жестокости Ивана IV¹ не встречали ни проблеска протеста, Ключевский не обвиняет общество в раболепии, безгласии; нет, по его словам, «как будто какой-то высший интерес царил над обществом, над счетами и дрязгами враждовавших общественных сил, не позволяя им окончательного разрыва, заставляя их против воли действовать дружно. Этот высший интерес — оборона государства от внешних врагов»²), т. е. охрана «добра» — государственной независимости. Исходя из этого же понятия о «дobre», Ключевский является врагом политических счетов и раздоров, препятствующих деловой государственной работе, и потому преклоняется перед Боярскою думою, в которой «бывали споры, но не о власти, а о деле; сталкивались деловые мнения, не политические притязания»³. Для развития «добра» в государстве нужно правительство, хорошо знающее нужды народа. И опять же Московская Русь, разочаровавшись в приказной администрации, «своими кормежными привычками совсем не отвечавшей задачам государства», рождает «мысль об установлении постоянного, законом нормированного притока здоровых общественных сил в состав правящего класса, ежеминутно стремящегося у нас превратиться в замкнутую от народа касту, в чужеродное растение, обвивающее народное тело»⁴.

Эту касту создал петербургский период, и за это его не любит историк и не жалеет мрачных красок для его обрисовки. «В половине этого (XIX) века Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией, т. е. действовавшей вне общества и лишенной всякого социального облика кучей физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством»⁵. Благодаря тому, что «новая европеизированная Россия

в продолжении 4–5 поколений была Россией гвардейских казарм, правительственных канцелярий и барских усадеб»⁶, завершился разрыв между образованными классами и крестьянской массой, и в этом разрыве померкло жившее в Московской Руси у всех понятие «добра хоть своему Государю и его землям».

Увлеченная победой завоеваний, страна слишком раздалась; «государство пухло, а народ хирел»⁷.

И призывом помочь этому хиреющему народу наполнена история Ключевского. Зарыть пропасть между образованными классами и простым народом, призвать для этого «здоровые общественные силы», работать, не покладая рук, без споров о власти и не лелея политических притязаний, и думать только о «добре» — таковы заветы почившего профессора. И в наше время, время развития политиканства во имя личных целей, увлечение которым может привести страну к глубокой пропасти, надо всегда помнить о родном прошлом, ставшем славным, именно благодаря беззаветной службе идее русского царства. Человеку же, разъяснявшему всю свою жизнь сущность этой идеи, да будет мягкая земля!

